

На карнавал они опоздали. Когда они сошли с вапорино* «Пияззале Рома — Лидо» вместе с толпой спешащих на работу венецианцев, на пьядца Сан-Марко шел крупный тяжелый снег. Ни единой маски, ни единого маскарадного костюма в толпе. Сложив фантастические маски и костюмы в сундуки спать до будущего года, венецианцы облачились в одежды рабочих и буржуа, в теплые шерстистые пальто, бушлаты и, зевая, погрузились в обычное состояние.

Молодой Виктор был разочарован. Красивый латиноамериканец испугался снега и холода еще в поезде, когда утром, подняв штору на окне спального купе, они увидели белую Северную Италию. Промелькнули в белом пушистом тумане Верона и Падуя, и последней появилась Адриатика. Вода Адриатики напоминала мыльную воду, выливающуюся в раковину из резинового шланга стиральной машины после первой стирки.

Ступив на твердую землю, они завяли. Не помогла и пара линий кокаина, принятая каждым из них в купе, уже когда поезд стоял на венецианском вокзале и все нормальные пассажиры давно выгрузились, — энергия, полученная от линий, была полностью истрачена в путешествии на катере. Мисс Ивенс, снабженная своим собственным, независимым от остального мира генератором энергии, конечно, осталась стоять на продуваемой ветром и снегом, насквозь промерзшей палубе вапорино. Двум ее спутникам пришлось остаться с нею, хотя одежда их была явно не предназначена для такого рода погоды. На Викторе был легкий плащ, а старший, Джон, поверх токсидо (под

* Маршрутный катер (итал.).

ним — залитая вином рубашка), прикрытого шелковым фуляром мисс Ивенс, был в тонком черном пальто.

Мисс Ивенс тоже была одета не бог весть как тепло: салатного цвета плащ, употребляемый как униформа парамедиками парижских клиник, поверх лишь свитера, но ей было жарко, а не холодно. Температура тела мисс Ивенс зависела от ее психического состояния, она могла мерзнуть, когда все другие задыхались от жары. Не смахивая снега с экстравагантной массы волос (она только что неудачно окрасила их в цвет кожи неспелого авокадо), мисс Ивенс с удовольствием всматривалась в палаццо и склады по берегам каналов и во встречные катера, баржи и лодки.

— Красиво! Прекрасно! Какая прелесть! — без устали восторгалась она. И дергала за руку или обнимала за талию младшего из мужчин — это была его первая поездка в Венецию. — Посмотри, как прекрасно, Виктор! Правда, прекрасно? — Рука мисс Ивенс указывала между тем на баржу, туго нагруженную хорошо увязанными короткими бревнами. По-видимому, бревна предназначались для венецианских каминов. Безусловно, низкая баржа на мыльно-зеленой воде была по-своему красива, кора бревен была удивительно светлой, возможно, это были березовые дрова... Однако странным казалось то, что мосты и прочие архитектурные сооружения не заслуживали, очевидно, по мнению мисс Ивенс, никакого внимания, потому что она не указывала на них Виктору.

Старший, Джон, соврал, что он уже был в Венеции однажды. Соврал, может быть, из желания самоутвердиться, а скорее, чтобы избавиться от разъяснений и утомительных предполагаемых путешествий к историческим памятникам. На самом деле он, как и Виктор, был в Венеции впервые в жизни.

Это из-за латиноамериканца они оказались в Венеции. За день до этого у старшего, Джона, был день рождения,

множество гостей и обилие алкоголя. Приведенные в апартамент на рю Алезия журналистом, ушедшим через полчаса, остались и веселились с его гостями совсем не известные Джону мисс Ивенс и Виктор. Среди двадцати или тридцати гостей, точнее определить, сколько их было, Джон Галант не старался, да и не смог бы, ибо гости круговращались, одни приходили, другие покидали квартиру, было еще с полдюжины или более личностей, ему неизвестных. Так и оставшихся неизвестными. Но мисс Ивенс, ох, ее невозможно было не заметить... Не говоря уже о волосах цвета кожи авокадо... Мисс Ивенс легко овладела всеобщим вниманием и через какой-нибудь час уже разглагольствовала в центре само собой образовавшегося вокруг нее кружка почитателей. Капризный и манерный, светский, самый английский на свете язык мисс Ивенс заманчиво журчал и переливался, и в конце концов и сам новорожденный уселся, поджав под себя ноги, у стены возле дивана, где сидела мисс Ивенс.

Как все сирены, мисс Ивенс пела абстрактные, но красивые песни ни о чем, в сущности. Больше всего о болезнях и аллергиях. Но моряки стекались, замороженные. Тем более что сирена еще сопровождала пение скручиванием (и очень профессиональным!) марихуанных джойнтов. Истосковавшись по родному американскому продукту, стекались в основном американские гости Галанта.

— Долой гашиш, да здравствует марихуана! — выкрикнул артистический директор журнала «Модерн-эйдж» Ронни Кобальт, обращаясь к своему эдитор-ан-шеф, когда Джон уселся рядом с ним на пол. — Happy birthday, boss! — И протянул ему джойнт.

Мисс Ивенс в это время уже скручивала следующий, признаваясь одновременно в своей аллергии к апельсинам. Если бы он не взял джойнт, он не оказался бы сейчас в Венеции. «Долой гашиш!» — Эдитор-ан-шеф впился в джойнт. Дела журнала и его личные были плохи.

Он открыл глаза, но долго не мог понять, где он находится. Перед ним была стена, но это не была ни одна из стен его квартиры. Его стены были старые, мутно-грязно-желтые. Стена, в которую упирался взгляд, была розовой. Он поднял глаза. Слишком скоро взгляд уперся в срез потолка. Потолок был белый. Потолок висел над ним слишком низко. Он проснулся в очень низкой комнате, понял он. Пожалуй, если он встанет, то не сможет выпрямиться. «Я не дома», — понял он. И пошевелился.

«Good morning...» — пропел над ним сладкий голос и окончательно спутал начинавшие было налаживаться его представления о пространстве. Над его головой, в амбразуре непонятной дыры в стене, появилось лицо. Пять морщин на лбу, облупившийся округлый носик и средиземноморский куст волос авокадо. Все это продолжалось голым белым телом, очертания его расплывались в глубине дыры. Тело опиралось на локти. Груды свисали мешочками. Видимые снизу, они явились ему в странном ракурсе.

— Good morning... ça va?*

— Ça va, — сказал он. — Я, кажется, напился вчера.

— Да, — подтвердила обладательница грудей-мешочков. Безо всякой тревоги или осуждения, но радостно. — Очень напился и накурился. Но ты держался молодцом до самого конца. Только у меня здесь ты свалился, и нам пришлось раздевать тебя. Ты помнишь, как меня зовут?

— Нет, — признался он.

— Молодец! — Она захохотала смехом серебряного колокольчика из хорошей семьи. — А ты знаешь, где ты?

* Доброе утро... вы в порядке? (англ., фр.)

— Нет.

В норе, из которой она выглядывала, зафыркали. Очевидно, там находилось по меньшей мере еще одно человеческое существо.

— Я — Фиона. Фиона Ивенс. И ты у меня дома. На Мон-мартре. Рю Лепик.

— Я хочу в туалет, — сообщил он хмуро. — Где это?

Ему сделалось неудобно перед женщиной, назвавшейся Фионой Ивенс. Раздевая его, она, вне сомнения, увидела его рваные носки. И одряхлевшие трусики. Несмотря на великолепие верхнего слоя: токсидо, бабочки и рубашки со стоячим, как следует, воротничком, — редактор-ан-шеф англоязычного журнала «Модерн-эйдж» боролся за существование. Вышло только два номера журнала, тиражом в тысячу экземпляров каждый. Непроданные, почти все они лежали в квартире арт-директора Ронни Кобальта.

— Вниз по лестнице. Осторожно. Дверь налево.

Он сел и только тогда увидел, что находится на помосте, как бы на лестничной площадке. Довольно далеко внизу он увидел ползала. Назвать помещение комнатой было бы неверно — большое, оно имело несколько великолепных высоких и широких окон, закрытых сейчас шторами. Сквозь щели вливался свет, и блики зимнего солнца дрожали на различных предметах. Он сумел различить стол и на нем — крупную пишущую машинку в сером футляре. Осторожно ставя ноги на ярко-желтое дерево ступеней, он стал спускаться с антресолей. Спустившись, он попал вначале на кухню, поискав, обнаружил ванную, и только третья по счету дверь привела его в туалет. Отлив и поглядев на себя в зеркало (оттуда на него взглянул рассеянный Джон Галант, и волосы надо лбом Галанта, кажется, еще больше поредели за последнюю ночь), он убедился в реальности собственного существования. Умываясь, он свел временные концы с концами. Вчера он каким-то образом пересек

Париж и попал в квартиру новой знакомой — англичанки мисс Ивенс. Однако он не мог вспомнить, как и при каких обстоятельствах он покинул свое жилище. Оставались ли еще там гости, или все ушли, и запер ли он квартиру. Он решил спросить об этом мисс Ивенс.

Когда он вышел из ванной, там, наверху, мисс Ивенс бравурно беседовала по-французски с мужским голосом. Джон Галант, к стыду своему, за год пребывания в Париже так и не сумел выучиться французскому до степени понимания быстрого разговора. Журнал «Модерн-эйдж» отнимал все его силы и энергию и ограничивал поле его деятельности английским языком. Большинство людей, с которыми Джон общался, были, впрочем, парижские американцы. Доллар стоял крепко и стоил дорого, потому американское население Франции насчитывало сорок тысяч человек. И большинство из них жили, разумеется, в Париже. Вдохновляемые судьбами Хемингуэя и Миллера, несколько тысяч молодых американцев осели во французской столице. Часть их с блокнотами и запасом хорошо отточенных карандашей начинали день за столами кафе. Восемь англоязычных журналов публиковались в Париже. Преследование «америкэн кальчурал дрим» не оставляло времени для изучения языка аборигенов и их культуры.

— Вы были когда-нибудь в Венеции, Джон? — спросила его мисс Ивенс, когда он вскарабкался по лестнице на антресоли и стал одеваться, отвернувшись спиной к дыре; оттуда теперь выглядывала спина мисс Ивенс, до половины прикрытая авокадными волосами. (Дыра — теперь это стало ясно — была еще одной антресолью над антресолью и служила мисс и мужчине спальней.) — Виктор, представляете, никогда еще не был в Венеции!

— Был, — односложно соврал Джон. И подумал: «Интересно, чем я занимался с мисс Ивенс и ее другом, прежде чем уснуть, если был в состоянии чем-либо заниматься?»

3

Если бы они не выпили за ланчем три бутылки «Божоле Виляж», он бы не попал в Венецию. Но они выпили. И это был Джон Галант, захмелевший вновь и уже никуда не торопившийся, он первым вспомнил: «В Венеции сейчас карнавал, если не ошибаюсь?»

И он не ошибался, в тот день в Венеции еще был карнавал. Последний день карнавала.

Они сидели вокруг ярко-желтого стола, помещающегося под помостом, на котором провел ночь Джон. Аккуратную яичницу с английским беконом приготовил Виктор.

— Вот что, мужчины, — сказала мисс Ивенс, — поехали в Венецию. На карнавал. Сейчас же. Нужно осуществлять мечты. И осуществлять их мгновенно. Именно в момент, когда они приходят в голову, а не через пару лет или к концу жизни, как американские пенсионеры, в возрасте восьмидесяти лет наконец являющиеся с туристским визитом в Европу. Десять дней мечты перед смертью. — Она насмешливо взглянула на Галанта. — В Венецию! Я иду звонить на Лионский вокзал. — И, встав, мисс Ивенс пошла в глубину зала, к телефону.

Гладко причесавший очень черные волосы — бритые щеки и шея отливали синевой, — Виктор улыбнулся.

— *She is so crazy, Fiona!** — произнес он восхищенно, трудно справляясь с английским языком. Несмотря на очевидно проведенную в таком же стиле, как и Джон, ночь, желтая рубашка латиноамериканца была свежа и незапятнанна. Ало-белый галстук не измят. Галант скосил глаза на свою, забрызганную несколькими большими каплями

* Она такая сумасшедшая, Фиона! (англ.)

красного вина рубашку. Возможно, латиноамериканец мало пил и потому оставался таким свежим и аккуратным. Он явно был франт. От него пахло крепкими мужскими духами. Так как Галант не заметил в ванной комнате присутствия предметов мужского туалета, получалось, что Виктор носил духи с собой.

Энергично водрузив трубку на рычаг, деловая, вернулась с клочком бумаги в руке мисс Ивенс.

— Внимание, джентльмены, — сказала она. — Поезд отправляется в 18:30 с Лионского вокзала. Мы возьмем спальное купе, нас как раз трое, по количеству мест в купе, и к утру мы проснемся в Венеции.

«Как видно, эти люди действительно привыкли буквально следовать своим желаниям», — подумал Галант.

— Без меня, — сказал он вполне равнодушно. — Я не могу. — Явно неосуществимые затеи его не привлекали.

— Но почему? — воскликнула мисс Ивенс. — Ненадолго. На несколько дней.

— Не могу по одной простой причине. Неделю назад у меня украли паспорт. Или, может быть, я его потерял. Новый, сказали в консульстве, будет готов только к концу месяца.

— Что он сказал? — переспросил Виктор у мисс Ивенс.

— Он говорит, что у него нет паспорта. У него украли паспорт, потому он не может поехать с нами.

— Это не проблема, — сказал Виктор. — Если он хочет, я достану ему паспорт. Паспорт будет у него через час.

— Он имеет в виду фальшивый паспорт? — Джон вздохнул.

— Ну нет, настоящий, хороший паспорт. — Виктор, казалось, обиделся.

— Американский?

— Французский. Чем французский паспорт хуже американского?

— Может, он и лучше, но я плохо говорю по-французски.

— На американский паспорт требуется больше времени, — подумав, сказал Виктор. — День или пару дней.

— Мы должны выехать сегодня же. Сейчас, — сказала мисс Ивенс. — Завтра будет неинтересно.

— Я все равно не смогу ехать с вами, даже если мы решим проблему паспорта. На моем счету в BNP* — двести франков.

— И у Виктора нет денег, — радостно сообщила мисс Ивенс. — Но у меня есть деньги. Поехали. Посмотрите на эту поездку с другой стороны, Джон. Представьте себе, Джон, что мы совершаем доброе дело, возем в Венецию юношу, который никогда там не был и мечтает о ней. А?

— Вы предлагаете мне отправиться в Венецию за ваш счет? Но почему? — Галант был искренне изумлен непонятной щедростью женщины, знающей его менее суток.

— О, почему... почему... — Лицо мисс Ивенс внезапно покрылось розовыми пятнами. — Мне так хочется, вот и все... И у меня есть деньги, чтобы осуществить мое желание. Смотри... Иди сюда! — Она отступила к двери кухни и стояла там, приглашая его рукой.

Галант встал и прошел за нею в кухню. Вежливый и спокойный, остался на месте Виктор. Он, очевидно, хорошо знал привычки мисс Ивенс и не удивлялся эксцентрическому предложению женщины прогулять двух мужчин в Венецию.

В углах кухни и на полках — повсюду стояли банки. Взяв наугад одну из них с этикеткой «Нэскафе», мисс Ивенс высыпала из нее на кухонный стол колючие и пряные травы, очевидно специи, и, запустив руку глубже, вынула толстую

* Парижский национальный банк.

пачку пятисотфранковых билетов, стянутых резинкой. «Ви-дишь!» Пошарив рукой среди банок на полке, выдернула деревянно-медный корпус старой ручной кофе-мельницы, быстро отвинтила гайку на дне ее и вытряхнула содержи-мое на стол. Вместе с деталями механизма вывалились не-сколько пачек пятисотфранковых билетов, также перетяну-тых резинками. «Нам этого хватит на неделю, не волнуйся!»

Низведенный или возвышенный из «вы» в «ты», он со-гласился.

— ОК, едем! — Еще за несколько месяцев он бы ни за что не согласился, но сейчас он был готов. Созрел, по всей вероятности.

4

— Последний раз я была в Венеции с Чарли. Интересно оживить вдруг воспоминания! — Мисс Ивенс радостно огляделась вокруг.

Джон — в кармане его, впрочем, находился паспорт, удостоверяющий, что он — Жан-Кристоф Деклерк, — по-думал, что, если бы он встретил Чарли, «человека, сломав-шего ей жизнь», как он мысленно назвал его, он по меньшей мере дал бы Чарли по физиономии. По пятидесятилетней физиономии интеллектуала и университетского профессора. Информации, сообщенной мисс Ивенс в поезде, было пре-достаточно, чтобы понять, какой бастард был, есть и оста-нется этот хваленый Чарли.

Мисс Ивенс шла между двумя мужчинами, держа их под руки, время от времени повисала на их руках, болтала но-гами и смеялась. Виктор, остановившись для этого, тронул

рукой обильно заснеженную ветку пинии, боком нависшей над набережной, и ветка осыпала их снегом.

— Это очень хорошо, что мы в Венеции! — воскликнула мисс Ивенс. — Я очень рада, что мы вот так вот спонтанно приехали. Я не выношу строить планы, а вот так, вдруг — это очень хорошо. Как приятно здесь, да, Виктор?

— Хорошо, — согласился латиноамериканец, оглядывая набережную и канал, усеянный катерами и баржами, везущими всевозможные грузы, насущно необходимые венецианскому жителю. Ящики с вином и даже груды кирпича. Виктор поежился: — Только я представлял себе ее иначе. Я думал, Венеция теплее и южнее. Я не люблю холода, — добавил он стеснительно.

— Сейчас мы отправимся в кафе на пьядца Сан-Марко, господа мужчины, и будем иметь наш первый венецианский завтрак, выпьем по чашке горячего кофе! — сказала мисс. — Впрочем, я никого не насилую, каждый из нас должен делать то и только то, что ему нравится.

— Разумеется, — согласились мужчины.

Однако они хотели кофе немедленно. Они замерзли. До маниакальной жизнерадостности мисс Ивенс им было далеко. И когда, выйдя с набережной на пьядца Сан-Марко, вдруг расхохотавшаяся от удовольствия мисс Ивенс на минуту оторвалась от них, вприпрыжку побежав по площади, они доверительно признались друг другу, что замерзли.

Найти открытое кафе оказалось непростым делом. Почему-то все они оказались закрытыми на следующее утро после карнавала. Возможно, владельцы занимались залечиванием ран и устранением повреждений.

«Наверное, после карнавала у венецианских кафе должны быть серьезные повреждения», — подумал Галант. Он с завистью глядел группу немецких туристов с фотоаппаратами. Все они были одеты в добротные полушубки на меху, и физиономии их пылали. На крюке квартиры на рю Алезия

у него висел подобный полушубок, но по воле новых друзей он оказался в Венеции в той же одежде, в какой покинул свое жилище накануне ночью. Прибавился лишь белый шарф-фуляр, выданный ему мисс Ивенс. Она не позволила ему заехать на рю Алезиа. «Все должно быть спонтанно». За исключением носового платка, ключей от парижской квартиры и чужого паспорта (определяющего рост владельца в 1 метр 79 сантиметров, тогда как Джон Галант возвышался над землей всего на 1 метр 70 сантиметров), Галант ввез в Венецию лишь носильные вещи. Мисс Ивенс, несмотря на то, что имела возможность взять с собой в путешествие сколько угодно багажа, по своей воле предпочла путешествовать на легке. С плеча у нее свисала выдавшая виды, потертая, с трудом закрывающаяся обычная женская сумка — в таких они таскают косметику. В сумке находился весь багаж: большая железная коробка с марихуаной, машинка для изготовления сигарет, сигаретный табак, железная коробка с кокаином, грязная расческа (ее мисс Ивенс подобрала уже на вокзале, подняв с перрона) и множество лекарств. Лекарства в капсулах, порошках и пилюлях служили мисс Ивенс средством борьбы против многочисленных аллергий и болезней, атакующих тело мисс днем и ночью. В сумке же находился шприц в чехле и несколько пачек пятисотфранковых билетов, перетянутых резинками, — их казна.

Откуда Джон знал, что содержится в сумке мисс? Когда мисс желала извлечь что-либо из своей сумки, она запросто переворачивала ее и вываливала содержимое на поездное одеяло...

Лучше всех был экипирован латиноамериканец. В квартире мисс Ивенс у него нашлась нейлоновая сумка с туалетными принадлежностями, несколькими рубашками и желтым свитером. Оказалось, что временно Виктор живет у мисс Ивенс. Он потерял работу. Последней его должностью было место сейлсмэна в обувном магазине у Ле Халля.

Содержимое сумочки мисс Ивенс сделалось доступным Галанту лишь спустя час после отправления с Лионского вокзала. Попросив Виктора запереть дверь купе, мисс выложила на круглое зеркало хорошую порцию белого порошка. Доброта мисс обрадовала его и испугала одновременно. Если он позволил себе отправиться в Венецию с фальшивым паспортом, то кокаин в сумочке спутницы уже был сверх программы.

— А вы не боитесь, что вас вдруг обыщут таможенники? — спросил он, однако послушно и с удовольствием вынюхал полагающуюся ему порцию через косо срезанную пластиковую трубочку.

— Я захватила с собой всего граммов двадцать, — ласково пропела мисс Ивенс. — За двадцать граммов что они могут нам сделать... Вы боитесь, да, Джон?

— Нет, — соврал Галант, опять произведенный в «вы». — Но не следует забывать, что я путешествую с чужим паспортом.

— В поезде столько югославов, едущих в третьем классе, что компания относительно молодых людей с привилегированными паспортами Ее Маджести Объединенного Королевства и Французской Республики таможенников не заинтересует. Югославы, работающие в Западной Германии, массами направляются в отпуск в родную Югославию. Это на них направлено внимание таможенников на каждой границе, их заранее подозревают во всех возможных преступлениях, мы же — белые люди... — Мисс Ивенс мелодично расхохоталась. — Скорее, их может привлечь колумбийский паспорт Виктора, чем добротный французский паспорт.

— Да, — согласился Виктор, — у колумбийцев плохая репутация.

Галант хотел было спросить у него, почему он все же предпочитает свой настоящий колумбийский паспорт фальшивому или нефальшивому, но чужому, французскому, тем более что ему, как видно, очень несложно таковой паспорт

достать, но воздержался. Так как не было никакой уверенности в том, что колумбийский паспорт Виктора — настоящий. Когда прошел по вагону кондуктор, собирая паспорта, Галант завозился на полу с сумкой Виктора, делая вид, что очень занят этим процессом, и лишь на мгновение приподнялся, чтобы протянуть кондуктору документ. Помимо того что он был на девять сантиметров ниже Жан-Кристофа Деклерка, на фотографии подбородок Жан-Кристофа острием опускался на бледную шею его, в то время как подбородок Джона Галанта был разительно округл. Мисс Ивенс радостно защебетала с кондуктором на прекрасном французском языке, всегда вызывавшем почтительное восхищение аборигенов. Иностранка, овладевшая французским в такой степени, не могла быть отрицательной иностранкой.

5

Наконец им все же удалось отыскать в лабиринтах улочек вокруг знаменитой площади стоячую забегаловку-бар и выпить там по чашке кофе с молоком. Стеклопанная стена забегаловки запотела изнутри, многочисленные посетители нанесли, оттаивая, снежную воду и грязь на пол... Компания чувствовала себя группой тараканов, заползших в мокрую теплую щель. Пахло сладким и мучным, плюс едким, поверх кофейных паров, запахом дешевых тонких сигарет.

Мужчины выбрали по круассану. Оказалось, что итальянский круассан вовсе не напоминает изделие, продающееся под именем круассана во Франции. Мисс Ивенс же выбрала башнеподобное сооружение из теста и ткнула в него пальцем.

— Per favore!* — прожурчала она бармену. — Кажется, я ела это же пирожное с Чарли, — пояснила она спутникам.

Они были странной группой. Глядя на них, нельзя было понять, кто они, а любой народ — что американский, что итальянский или французский, любит группы понятные. Их не любили в кафе. Им никто не сказал, что, мол, мы вас не любим, но было понятно, что не любят, и по тому, как бармен нехотя делал им кофе, как нехотя выдавал круассаны, как очкастый «синьорэ профессорэ» время от времени неодобрительно взглядывал на них из-за «Иль Темпо». То, что они не туристы, было сверхочевидно. Ни фотоаппаратов, ни путеводителей в руках, ни всепожирающего любопытства во взгляде. Скорее они могли бы сойти за только что приземлившихся на пьядца Сан-Марко парашютистов. С какой целью приземлившихся? С целью смущения посетителей кафе белым фуляром и бабочкой, авокадовыми волосами и синей мужественностью щек Виктора, его свирепым выражением лица, затягивающим на куда больший вес в обществе, чем экс-сейлсмен обувного магазина. И было непонятно, в каких же отношениях состоят между собой подозрительные нетуристы. Мисс Ивенс выглядела старше всех, хотя на деле она и Галант были одного возраста. Параллельных горизонтальных линий морщин на лбу мисс Ивенс было пять, и все пять, собираясь в гармошку, когда мисс что-либо доказывала, придавали ей вид старой обезьянки. Такую обезьянку Галант видел в последнее свое лето в Ю-Эс-Эй в городке Монтерей, штат Калифорния. Она забавляла народ на пирсе у океана. Та обезьянка, правда, была в тельняшке. Всех троих, это было ясно, не связывали кровные узы. Ни в коем случае. Виктор, с некоторой натяжкой, мог сойти за сына мисс Ивенс. И они могли быть любовниками все трое. Что и являлось верной отгадкой. Все остальные были попаданиями пальцем в небо.

* Пожалуйста! (итал.)

Любовниками они стали в поезде, где-то в районе швейцарской границы.

Без сомнения, два откормленных бармена в белых куртках, не спеша выдавая венецианскому народу напитки, служили по своей воле и психоаналитиками. Уловив несколько взглядов и прикосновений рук в среде странной компании, блаженное удовольствие на лице мисс Ивенс, барменам все стало ясно, и они презрительно покачали головами. Презрительно и задумчиво обменялись взглядами. (Возможно предположить, что бармены ими обменялись.) Взгляды выражали вопрос: «Хэй, что же эти двое молодых и вполне good looking* мужчин, особенно good-looking-брюнет, делают с этой старой морщинистой женщиной?» То есть преувеличивающим разницу в возрасте (мисс Ивенс затягивала на более чем сорок пять лет) барменам было ясно, что могут делать мужчины их возраста с такого возраста женщиной. Но проблема усугублялась еще и тем, что у мисс Ивенс была экзема (или аллергия — она дала Галанту одновременно два объяснения). И экзема мисс Ивенс как раз в эти дни переместилась к ней на лицо. Надбровные дуги, часть лба и щеки мисс покраснели и шелушились, а от того, что она не могла удержаться, чтобы не чесать лицо, лицо покрылось мелкими чешуйками струпьев. Положение лишь частично смягчал крем из сумочки. «Почему нужно спать с больным старым животным, когда вокруг множество молодых, яркогубых самок? Деньги?» — недоумевали бармены.

Они вышли из кафе, ко всеобщему облегчению, оставив барменов с задумчиво отвисшими челюстями. «Бармены, без сомнения, “хорошие животные” и ебут своих краснощеких девок напористо и сильно... Так как в топках их итальянских организмов постоянно горят бараний жир,

* Хорошо выглядящих (англ.).

мясо и виски», — почему-то цветасто подумал Джон. Фраза ему понравилась. Такую фразу можно употребить в романе. По возвращении в Париж он напишет роман. А журнал? Моральные обязательства по отношению к соредакторам журнала — Кобальту и Лили Шварцберг? Соредакторы могут обойтись и без него. Выходя из венецианского кафе, он открыто признался себе, что журнал его больше не интересует.

6

Снег перестал. Начался тотчас же медленный процесс таяния, мучительный и некрасивый. Сквозь тонкий слой снега на знаменитой площади выступили побочные продукты праздника. Банки, бутылки, картонные пакеты, разнообразные упаковки, из которых человеческие организмы извлекли пищу и напитки. Мусор был посыпан слоями еще не потерявшего веселых цветов конфетти.

Галант подумал, что в конечном счете хорошо, что они приехали поздно, когда вся толкотня, слава богу, кончилась и человеческие толпы разбрелись по вокзалам и аэропортам, удалились на автомобилях от города и спрятались в свои норы.

— Я обязательно должна найти что-нибудь на память о Венеции, — объявила мисс Ивенс и принялась бессистемно бродить по площади, внимательно вглядываясь в мусор. Загадочная улыбка жрицы давно умершей религии появилась на ее надтреснутых синеватых губах. — Я хочу найти или кольцо, или сережку из уха. Люди всегда что-нибудь теряют! — подтвердила она свои намерения уже издали, вначале по-английски, потом по-французски, нежным голоском маленькой девочки. Это был обычный голос

мисс Ивенс. Только тогда, когда кожа на ее лбу стягивалась в гармошку, появлялся другой голос.

— Может быть, нам вначале следует найти отель? — робко сказал Виктор. Предложил. Он не имел права предлагать, он, по крайней мере, считал, что не имеет права, но уж очень было холодно.

Мисс Ивенс или не услышала, или сделала вид, что не слышит. Внимание к людям и их нуждам сочеталось в ней, очевидно, с полнейшей нечувствительностью к ним же. Декларировалась любовь, но в дополнение к любви навязывалась воля мисс Ивенс. Галант уже успел понять это за двенадцатичасовое путешествие на поезде. Мисс была необыкновенно хорошая женщина, доказательством служило хотя бы то, что они шли сейчас по пьяцца Сан-Марко, но она искренне принимала людей за домашних животных, живущих в ею, мисс Ивенс, созданных условиях.

— Да, хорошо бы найти отель и выкурить джойнт! — поддержал латиноамериканца Галант.

Кофе лишь ненадолго взбудрил его. Тонкие лаковые туфли погружались в мокрый, скользкий, все более гадкий мусор и, кажется, начали промокать, а поиски мисс Ивенс обещали быть длительными.

Мисс откликнулась на призыв. Соблазнило ли ее упоминание о джойнте, или она лишь прислушалась к Галанту — редактору литературного журнала, отказываясь прислушаться к экс-сейлсмену, латиноамериканцу Виктору? Виктору она покровительствовала. К Джону она хотела бы относиться покровительственно, но еще не знала, может ли. Надев на палец колечко-открывалку, отломленное от смятой пивной банки, мисс удовлетворилась и позволила увести себя.

Они покинули площадь. Покружив в улочках и опять пройдя мимо бара, в котором подверглись психоанализу, вошли в первый попавшийся отель. Он назывался «Конкордия». За деревянным барьером сидели три чернокостюмных

портье. Взаимные представления заняли несколько минут. Лишь паспорта мисс Ивенс и Виктора были протянуты портье, несколько банкнот из пачки мисс Ивенс переместились в руки кассира отеля, и вскоре они уже закрывали за собой дверь комнаты на четвертом этаже.

Галант предпочел бы получить отдельную комнату. Однако, имея лишь несколько франков в кармане, он всецело зависел теперь от желаний и решений мисс Ивенс. Комнат на троих в отеле не существовало. Они заняли комнату с двумя кроватями. Существовало четыре варианта размещения троих тел на двух кроватях. Им предстояло выбрать или один, самый радикальный, то есть, составив кровати вместе, развалиться на них через равные промежутки, или же исповедовать три других способа в хаотическом беспорядке.

Неведомый архитектор выбрал, чтоб мебельный гарнитур, стены и стекло люстры были в отеле «Конкордия» бледно-зелеными. Цвет Венеции. Зеленовато-мыльные воды Адриатики инспирировали архитектора или салаты с лардом?

7

Мисс Ивенс объявила, что номер прекрасный, и тотчас плюхнулась на ближайшую из кроватей. Кровати удерживала на почтительном расстоянии молочного-зеленого цвета, разрисованная золотыми цветами спинка.

Галант подошел к окнам и отодвинул одну из штор. Хмуро обнажились закрытые ставни. Разобравшись в механизме, он открыл ставни. За окном оказалась темно-охровая стена с точно такими же ставнями, как и на их окнах. Из чего возможно было предположить, что и стена,

и окна принадлежат их же отелю. В щель между стенами из куска венецианского блеклого неба, похожего на бледную зелень спинки кровати, вдруг излился слабый, цвета оливкового масла луч солнца. Этого луча оказалось достаточно, чтобы мисс Ивенс взбодрилась, вскочила, взяла сумочку, сбросив сапоги, улеглась опять и принялась изготавливать джойнт.

Виктор в это время исследовал шкаф и повесил на плечики плащ и пиджак. После этого он ушел в ванную комнату, закрылся там ненадолго и появился оттуда довольный, заново причесанный и пахнущий одеколоном.

— Очень хорошо здесь, — сказал Виктор, пряча расческу в карман.

«Здесь по крайней мере тепло, — подумал Галант. — Потому и хорошо». Не верилось, бродя по слякоти в мусоре пьядца Сан-Марко, что внутри венецианских скалистых и суровых снаружи сооружений может быть тепло. Но баночные деньги мисс Ивенс оказались способны приобрести тепло для всех троих. Лежа в банках, деньги ничуть не утратили ценности. Вешая токсидо в шкаф, Галант отметил, что шкаф отдает обувным магазином. Или вещи Виктора вобрали запах обувного магазина, где он прежде служил, или же до них в комнате жил владелец множества пар хорошей кожаной обуви. Может быть, владелец нового кожаного пальто?

Мисс Ивенс, уже привычно набившая машинку травой, вставила в нее лист сигаретной бумаги и через мгновение вынула из зубов верной машинки тугой джойнт.

«Слишком тугой», — решил Джон, когда мисс Ивенс, закурив джойнт и втянув в себя пару раз марихуанные облачка, передала его Джону. Тянулся он несвободно.

— Слишком туго, мисс Ивенс, свернули вы джойнт, — изрек Галант и сбросил, поддев их с задника и не развязывая, туфли. Одна и другая тупо ударились об пол. Джойнт он

передал Виктору. Виктор сидел в кресле против кровати — переодевшийся в желтый свитер, тугие синие джинсы обтягивали крепкие ноги. Колебля мисс Ивенс и кровать, Галант лег за ее спиной. Одну руку он положил на грудь мисс, поверх черного свитера, другую — себе под голову. Он пролежал в таком положении некоторое время, перемещая руки только тогда, когда приходила его очередь затянуться марихуанным облачком.

Он медленно погружался глубоко в рай. Мисс Ивенс про что-то журчала рядом, обращаясь к Виктору. Совершив над собой небольшое усилие, Джон мог бы понять, о чем они говорят, но ему не хотелось понимать, ему хотелось лежать, и слушать журчание мисс Ивенс и светлые ответы Виктора, и ловить его причесанные, гладкие, чистые взгляды.

Через некоторое время он, однако, начал хулиганить. Повинуясь влиянию животного тепла, исходящего от тела мисс Ивенс, он перекатился на бок и прижался плотнее именно к той части тела, откуда исходило наибольшее количество тепла — к нижней части.

Верхняя часть тела — о, к ней Джон относился скептически, — верхняя часть принадлежала свихнувшейся английской мисс. Голова мисс Ивенс, в частности, была набита месивом сведений об аллергиях и других сверхсовременных болезнях... Чем еще? Он подумал, что если найти способ распознать и записать, то есть каталогизировать содержимое памяти мисс, то... среди прочих ингредиентов в каталоге непременно оказалась бы популярная информация о летающих тарелках, джоггинге, реинкарнейшн, войне во Вьетнаме, хэлфбуд, уродливые схемы Пикассо и Мондриана — все говно, внушенное ей ее любимым калифорнийским Чарли за десять лет жизни в Стэнфордском университете. Интеллигентской начинкой нафаршировал Чарли сознание Фионы Ивенс.

Оказавшись в купе, они распределили полки. Виктор получил нижнюю, Галант — самую верхнюю, поскольку мисс Ивенс облюбовала место посередине. Галант открыл бутылку «Вальполичелла», купленную в магазинчике у Лионского вокзала, и предложил итальянского вина спутникам. Виктор выпил полстакана, но мисс Ивенс от вина вовсе отказалась.

— Вы злоупотребляете алкоголем, Джон, — заметила она. — Алкоголь засоряет тело и изменяет состав крови.

— Согласен. Однако я люблю вино. — Галант выпил еще стакан вина и влез наверх.

— Я предлагаю вам следующее развлечение, — сказала мисс, улегшись. — Вы слушаете, мужчины?

— Да, — отозвался притихший было внизу Виктор.

— Каждый из нас расскажет свою историю. Разумеется, только то, что считает нужным рассказать. Раз уж мы оказались втроем в одном купе... — Мисс рассмеялась надтреснутым серебряным колокольчиком. — Если мы с Виктором немного знаем друг друга, то о мистере Галанте нам известно только то, что он американец и что он издает литературный журнал. Кстати говоря, у вас очень французская фамилия, Джон...

— Деклерк? О да, очень французская...

— Нет, но ваша невенецианская фамилия Галант наверняка была завезена в Соединенные Штаты кем-то из ваших континентальных предков из Франции.

— Вероятно. Я мало что знаю о своих предках. Уже мой прапрадед родился в Канаде. ОК, вы хотите, чтоб я исповедовался первый?

— Как угодно. Пожалуй, будет справедливее, если начну я, поскольку это я всех спровоцировала. Вы согласны?

Они были согласны. Мисс Ивенс задрала одну сиреневую ногу на другую (она сняла брюки и лежала теперь в сиреневых пентти) и начала:

— Я родилась в Шотландии, в городе Эдинбурге, от английского отца и шотландской матери. Детство мое было безоблачным и красивым, потому я не стану на нем останавливаться. Когда мне исполнилось шестнадцать лет, мой отец сошел с ума... — Мисс Ивенс произнесла «сошел с ума» так беззаботно и радостно, так звякнула звуками, что можно было подумать, что событие это доставило ей массу удовольствий. И доставляет до сих пор. — Мама моя умерла совсем недавно от жуткой формы рака, сопровождавшейся кожными заболеваниями.

Галант на верхней полке было подумал, что мисс Ивенс пародирует свою биографию, что вот сейчас она рассмеется и, признавшись в шутке, начнет сначала. Нет. Мисс Ивенс вздохнула наконец и объяснила:

— У меня очень плохая наследственность. Как и у всех в нашей семье. У моей старшей сестры — двое детей, и оба ребенка — дебилы... Но проследуем дальше. Когда мне исполнилось семнадцать лет, я познакомилась с Чарли. Чарли тогда было тридцать восемь. Мы познакомились в Лондоне, где я в это время жила. Я приехала в Лондон, чтобы стать актрисой... Чарли уже был известным ученым, я не стану называть вам его фамилию, вам это совершенно ни к чему, хорошо, мужчины?

— Хорошо, — ответил Виктор снизу.

Судя по иронической интонации в голосе латиноамериканца, он относился к странному энтузиазму, с каким мисс выделяла болезни и смерти, терпимо. К тому же, возможно, он уже слышал эту историю.

— Чарли явился в Лондон из Стэнфорда, чтобы работать вместе с английскими физиками над каким-то общим проектом. С первой же встречи Чарли подавил меня своей

эрудицией, мудростью и гениальностью. У Чарли супермозг. Я до сих пор утверждаю это, хотя мы и расстались. Уезжая в Стэнфорд, Чарли увез меня с собой. Я прожила с ним девять лет, мужчины! Слышите вы, девять лет. Он загубил мою сексуальность, этот человек, он подавил меня полностью, но я никогда больше не встретила мужчину с таким сильным мозгом...

— Загубил сексуальность? — переспросил латиноамериканец.

Поезд вдруг стал снижать скорость.

— Он делал со мной любовь только первые полгода. Через полгода он отказался делать любовь, объявив мне, что сексуальная активность его унижает и противна ему. Что половой акт низводит его всякий раз до состояния животного...

Галант присвистнул, а Виктор издал звук, напоминающий звук лопающегося шара бабл-гама. Но оба воздержались от комментариев.

— У Чарли были сложные отношения с матерью. Очень сложные. Ему снилось, что он засовывает свою мать в печь. Будучи в реальном мире примерным еврейским сыном, он мучился ужасом и отвергал свои сны. Но сны повторялись. По-видимому, подсознательно он ненавидел мать и всех женщин вместе с нею.

— Почему же вы жили с ним девять лет, Фиона? Следовало тотчас же развестись.

— Разводиться не было необходимости. Мы никогда не оформляли наш брак официально. Чарли боялся связывать себя какими-либо земными узами.

— Что за бастард! — сказал Галант.

— Конечно! — радостно согласилась мисс Ивенс. — Бастард! Все гении жестоки и требовательны. И не похожи на нас, простых смертных.

— Но ты, надеюсь, тотчас же завела себе любовника, Фиона? Девушка восемнадцати лет не может жить без

секса... — Виктор встал и приподнял штору на окне, пытаясь увидеть, что происходит. Поезд остановился.

— Представьте себе, что нет... Первый любовник появился у меня только в последний год жизни с Чарли. Вам этого не понять, мужчины... Я была девчонкой. И девчонка встретила с гением. Я делала все, что он от меня требовал. Если бы он сказал мне, что я должна проституировать на улицах, я бы проституировала для него. Однажды он попросил, чтобы я участвовала в марафонском забеге. Забег был организован университетом. Это случилось через два месяца после моего приезда в Стэнфорд. Чарли бегал тогда уже пятнадцать лет, а я — десять дней. У меня было десять дней на подготовку. И я побежала. И я пришла двадцать первой! Из женщин — второй! А в забеге участвовали четыреста человек, мужчины. Так я хотела, чтоб он был мной доволен. И он был доволен. Он очень гордился мной перед коллегами по университету...

Если мисс Ивенс платит за перенесение его тела в Венецию, это еще не значит, что Галант не должен высказать своего мнения по поводу сукина сына Чарли.

— Какой же он son of a bitch*! Я извиняюсь, Фиона, но он сукин сын, ваш Чарли. Он отнял у вас девять лучших лет. Интеллектуальными уловками и ухватками он сумел захватить в плен женщину, чтобы затем игнорировать ее. По его сексуальной холодности никакая женщина не должна ему принадлежать. Зачем? Чтобы что с ней делать? Только дабы польстить своему самолюбию, он заставил девчонку жить с ним... Ну и что, через столько лет вы до сих пор считаете, что он гений?

— Да, считаю, — мелодично откликнулась мисс Ивенс.

— Хорошо, но ваш Чарли, он хотя бы доказал свою гениальность? Получил какую-нибудь премию, сделал

* Сукин сын (англ.).

уникальное открытие? Десятки тысяч профессоров физики работают в университетах мира, но из этого далеко не следует, что все профессора физики — гении.

— Чарли почти получил Нобелевскую премию... — торжественно прошептала мисс.

— Следовательно, он не получил Нобелевской премии, так? Но даже если он однажды получит ее, это еще не будет свидетельствовать о его гениальности. Вы вообще что-либо понимаете в физике, Фиона?

— Я девять лет наблюдала жизнь Чарли и его коллег.

— Наблюдая жизнь Чарли, вы могли убедиться в одном несомненном факте. Что в современную эпоху открытия совершаются коллективами ученых, обычно после долгой работы над проектом. Крайне редко один человек вдруг совершает открытие. Чаще всего это происходит в области математики. Времена Кюри, Нильса Бора и Эйнштейна давно миновали. Гениальность вашего Чарли крайне сомнительна. По меньшей мере, ничем не подтверждена. Скорее всего, Чарли навсегда прославится лишь как феномен вашей персональной истории...

— Кто ВЫ такой, злой американец с французской фамилией? — фыркнула мисс Ивенс. — Чем ВЫ можете похвалиться?

— *Calmez-vous, calmez-vous!** — Виктор встал и опустил одну руку на плечо мисс Ивенс, другой взял за руку Джона. — Не ссорьтесь!

* Успокойтесь, успокойтесь! (фр.)

— Теперь, я так понимаю, именно время сообщить мою автобиографию? — Галант досадовал на себя за то, что слишком далеко зашел в нелюбви к никогда не встреченному им Чарли. Однако в последнее время он постоянно натывается на след присутствия «Чарли» в прошлой жизни женщин определенного возраста. Выясняется, что «Чарли» — это феномен. Многие женщины, оказывается, напоролась однажды в жизни на такого «Чарли».

— Пожалуйста. Уступаю вам слово. Хотя я и не закончила свою историю.

— ОК. Заканчивайте. Моя биографическая справка будет короткой.

Мисс Ивенс закурила сигарету «Кент» и выдохнула клуб дыма. Клуб, расщепляясь на волокна, затянул купе.

— Виктор, ты можешь, плиз, приоткрыть окно?

Приоткрыть окно оказалось делом невозможным, потому Виктор приоткрыл дверь. В процессе операции он несколько раз подморгал Галанту на его полке. Подмаргивание в сочетании с полуулыбкой воспринималось мэсиджем, читающимся приблизительно как «Расслабься. Будь снисходителен, не принимай мисс Ивенс и ее историю слишком уж всерьез. Что возьмешь с женщины...».

— Может быть, я бы так и жила с Чарли, но позвонила однажды ночью моя сестра и сказала, что у матери обнаружили рак. И я вылетела в Эдинбург, понимая, что уже не вернусь в Калифорнию никогда. Чарли был очень грустный. Без сомнения, он чувствовал, что я не вернусь, несмотря на то что я оставляла все мои вещи...

Галант, невидимый мисс Ивенс, соорудил гримасу, выражая свое презрение к Чарли-профессору. Английская

девчонка была нужна Чарли для престижа, для того, чтобы сопровождать его на университетские парти, стоять с ним рядом в то время, как он будет философствовать с бокалом черри в руке. Будет нести профессорскую свою демагогию. Чарли, изображающий настоящего мужчину, нуждался в девчонке в коротком платьице (тогда, в шестидесятые, носили именно короткие платьица), преданной ему телом и душой. Мерзкий комедиант.

— ...Перед самым отъездом я вдруг почувствовала страшную боль в uterus. Я не сказала об этом Чарли, не хотела его волновать и отвлекать от науки. Я не захотела обращаться к университетскому гинекологу, так как результат исследования непременно стал бы известен Чарли. Я сама нашла врача-гинеколога в Станфорде. Осмотрев меня, он сказал, что внутри у меня опухоль, «как сырой гамбургер», и что нужно ее удалить. Я согласилась. Полчаса он жег опухоль электродами безо всякой анестезии. Мне было чудовищно больно. В операционной пахло горелым мясом. Да-да. Я думаю теперь, что доктор нарочно отказался от употребления анестезии. Он мстил мне, как все мужчины-доктора, за то, что он был несчастен с женщинами. После операции я сказала ему, что он садист... Что он великолепный экземпляр типичного садиста...

— Я мало что понимаю в медицине, — успел вклиниться в монолог Галант, — но, возможно, доктор и в самом деле не мог применить анестезию? Я не вижу достаточных мотивов для обвинения его в преступлении.

— Мог, я уверена. Но ему хотелось отомстить мне за неудачи с женщинами. Все мои отношения с мужчинами сексуальны. Я очень хорошее животное... — Мисс Ивенс прервала речь серебряной трелью смеха. — Я думаю, я очень хорошее животное. И доктора-мужчины чувствуют это. Мой дантист как бы случайно всегда касается моей груди.

Я хожу без лифчика. Я чувствую, что ему хочется иметь меня в приемной на диване... Бизи согласна со мной. У нас с Бизи один и тот же дантист.

— Фиона, Джон не знает, кто такая Бизи, — проявился снизу голос Виктора. Голос был ласковый, как бы даже чуть отеческий. По меньшей мере напоминал голос старшего брата.

— Бизи — моя подружка, Джон. Она часто живет со мной. Американка, как и вы, Джон. Ей двадцать два года.

— Гуд лукинг?

— У, я не знаю... Она perfect, Бизи, она очень сексуальна, очень хорошее животное, однако красивой я бы ее не назвала. Что ты думаешь, Виктор?

— She is fat*, — сумел сказать Виктор и перешел на французский, — но что-то такое в глазах... Грязное...

— Мужчины все без ума от Бизи, хотя она действительно толстая. Сейчас она живет у Исаяя — ее бой-френда. Исаяя — марокканский еврей. Совсем молодой мальчик, восемнадцати лет, но очень мачо. Покровительствует ей. Однако Бизи тяжело покровительствовать. Она самостоятельная. Вернемся в Париж, я вас познакомлю с ней, Джон. Но помните, что Исаяя опасный тип, всегда ходит с ножом. И любит ее безумно...

«Соотечественница, должно быть, противная, рано созревшая баба с большой, толстой белой задницей», — подумал Галант насмешливо. Но марокканскому тощему, чернявому и волосатому Исаяе эта ее белая задница и отечественная американская легкость в отношениях между полами кажутся небесным даром. Расовое различие — вот что его привлекает. Однако мисс Ивенс... Может быть, она сохранила свежесть и энтузиазм по поводу мира и его обитателей, потому что провела девять лет в холодильнике Чарли?

* Она жирная (англ.).

У него, сверстника мисс Ивенс, давно уже не осталось энтузиазма по поводу человечества. По крайней мере, по поводу цивилизованной его части. Он был твердо убежден в том, что захватывающие, героические типы не живут в цивилизованных странах. Что героический тип вымер в Европе и ее «колониях» — в Северной Америке, Австралии, России и прочих, что герой враждебен современной белой цивилизации среднего человека. Его можно найти еще лишь на окраинах Азии, Африки и Америки... Плюс нездоровое сознание редактора литературного журнала нашептывало Галанту, что человеческие существа начинают иметь какое-либо значение только после того, как они превращены в героев литературных произведений. До момента превращения в героев истории и Бизи, и Исая, и мисс Ивенс — лишь капли плазмы.

10

— Короче говоря, я обнаружила себя без денег и в Париже, — донесся до Галанта голос мисс Ивенс. Переход из Эдинбурга в Париж он прозевал, увлекшись своими мыслями. — ...Я заняла денег у сестры и стала искать работу. В те времена найти работу в Париже было легче, чем сейчас. Но мое положение осложнялось тем, что, получив *carte de séjour** на десять лет, я не сумела добиться *carte de travail***. Йес, меня брали на работу, я им нравилась, но как только я заикалась, что у меня нет разрешения работать

* Вид на жительство (фр.).

** Разрешение на работу (фр.).